

14. Perycz E. Strategiczne prognozowanie modelowanie I symulacja. Warszawa, 2009.
15. Prognozowanie i symulacja / pod red. W. Milo. Łódź, 2002.
16. Przyszłość i polityka. Nadzieje i strachy zbiorowe przełomu tysiącleci / red. E. Ponczka, A Sepkowskiego. Toruń, 2008.
17. Sobczyk M. Prognozowanie. Teoria. Przykłady. Zadania. Warszawa, 2008.
18. Sułek M. Prognozowanie i symulacje międzynarodowe. Warszawa, 2010.
19. Tansley S.D. Nauki polityczne. Poznań, 1997.

Об авторе

Марек Ильницкий — д-р политологии, проф., Гуманитарная академия (г. Пултуск, Польша), e-mail: vcmi@interia.pl

About author

Dr. hab. Marek Ilnicki, Professor, Pultusk Academy of Humanities (Akademia Humanistyczna), e-mail: vcmi@interia.pl

91

УДК 316.77

М. В. Берендеев

ОБРАЗ И ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Устанавливается, что любые образы, формируемые в ходе политического дискурса, по своему смыслу есть ментальные объекты. Утверждается, что имидж политики и институциональные практики ее формирования несут в дискурсе скорее психологический характер, а режимы дискурса влияют на наше восприятие социальных объектов мира.

The author proves that any image formed within political discourse is, in terms of its meaning, a mental object. It is claimed that, within discourse, the image of politics and the institutional practices of its formation are rather of psychological nature as well as that discourse register affects our perception of social objects of the world.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, политический образ, эпистемология, идентичность.

Key words: discourse, discourse analysis, political image, epistemology, identity.

Активное использование в политической науке категории «образ страны» в последнее десятилетие привело к чрезвычайной ее многогранности и перегруженности. «Образ» начал пониматься как имидж, бренд, нередко как идентичность, а вокруг самого понятия стали складываться многочисленные концепты, связанные с формированием образов государства, страны, политического имиджа государства и т. д. Категория «образ» получила активное распространение в политическом маркетинге и брендинге, а также начала фигурировать в со-

циологии международных отношений, теории идентичности и т.п. Однако эпистемологическая нагруженность «образа» испытывает большие трудности, связанные как со смыслами, которые мы придаем этому понятию, так и с практиками его формирования.

«Образ» — категория не просто собирательная, она сложна для репрезентации и последующего анализа тем, что является дискурсивно-конструированной, т.е. зависит от большого количества факторов, будучи привязана к определенным условиям, событиям, настроениям и иным маркерам ситуации.

В политической науке не существует точного определения того, что есть «образ страны» или «образ государства». Скорее можно говорить о некоторых подходах, с помощью которых закладывается содержание, раскрывающее образ. В российской политологии проблема формирования и измерения политических образов фигурирует все же в работах Д. Н. Замятина [13], Э. А. Галумова [14] и других, однако само обращение к методологии формирования «образов» и эпистемологической ценности категории «образ» практически отсутствует. Тем не менее категория «образ» в последнее время стала активно использоваться в связи с наметившимся интересом к политическому дискурсу. Образы порождаются в дискурсах, становясь объектами социальной практики. Понимание, как тот или иной образ дискурсивно формируется, рождает целую цепочку методологических сложностей, вытекающих из природы и условий формирования самого дискурса и из того, что мы понимаем под дискурсом.

В настоящее время дать общее определение тому, что есть «дискурс», практически невозможно, поскольку ни одно такое определение «не поможет нам прояснить ни что такое дискурс, ни ответить на вопросы о том, как он функционирует и как следует его анализировать» [1, с. 17].

Трактовки понятия «дискурс», равно как и методы дискурс-анализа, отличаются крайней разнородностью и противоречивостью. Категория дискурса в методологическом плане, с момента формирования концептуальных традиций в ее трактовке Т.А. Ван Дейком [12], Я. Торфингом, Р. Рорти, Р. Бартом и другими, оказалась несколько перегруженной набором смыслов и тем самым стала не очень удобным понятием, применимым к анализу реальности.

Возможно, что одной из причин неопределенности понятий дискурса и дискурс-анализа по отношению к другим методологическим категориям было их быстрое эволюционирование, а точнее, формирование и параллельное развитие нескольких не совсем коррелирующих и конкурирующих между собой методологических установок, каждая из которых наделила категорию дискурса своими собственными смыслами. Под дискурсом стали понимать и текст, и речевую реальность, и особые социальные практики конструирования реальности с ее внедискурсивными смыслами.

Вторая трудность в понимании дискурса заключается в его полидисциплинарности, связанной с проникновением дискурс-анализа в микросоциологию, становлением дискурсивной психологии, появлением анализа политических, медиа, культурных и институциональных

видов дискурса. Именно разветвление теории дискурса по разным отраслям знания стало создавать трудности в ответах на вопросы: что есть содержание дискурса в каждой из отраслей научного знания и как он (дискурс) функционирует? как дискурс в последующем оказывает влияние на наше сознание и как мы структурируем с помощью него мир? как формируются объекты дискурса, которые затем становятся ментальными копиями нашего сознания?

Третья причина, создавшая трудности в понимании теории дискурса, состоит в рудиментарной лингвистической доминации, отталкивающейся от анализа языка и речи, семантических особенностей текста. Именно из структурной лингвистики дискурс исторически пророс в другие отрасли знания со своими правилами организации языковых структур, а следовательно, и анализа существующей реальности. Однако до сих пор нет четкой определенности, что в дискурсе является определяющим: конструкция языка или контексты, в которых происходит дискурс.

Вместе с тем развитие теории дискурса в политической науке видится еще недостаточно зрелым предприятием. Несмотря на то что внутриотраслевая специализация дискурса (дискурс демократий, дискурс элит и власти, дискурс идеологий и т.д.) сегодня представляет собой вполне распространенное явление в исследованиях, сами акценты, которые давали бы отчетливое понимание, из чего складывается политический дискурс, а также каковы формы и методы его анализа и как структурируется мир политики в дискурсологической практике, требуют значительного прояснения.

Дискурс в политической науке обязан своим появлением критической теории дискурса с ее опытом понимания мира как совокупности социальных практик, а иногда даже и осознания властной стороны дискурса как способа формирования политик. Взгляд на дискурс как на неотъемлемый элемент социальной деятельности расширил и возможности политической гносеологии, связав дискурсивную практику как способ понимания реальности с формированием социальных институтов.

Дискурс в самом широком смысле может рассматриваться как форма социального поведения, которая участвует в конструировании социального мира, включая все его модели. Таким образом, дискурс поддерживает существование социальных паттернов. По сути, данный антиэссенциалистский тезис фиксирует, что любое явление социального мира не есть данность и не определяется условиями, которые не были бы зависимы от конкретных проявлений «здесь» и «сейчас». Любое представление о социальном объекте возникает в процессе социального взаимодействия, а значит, мы конструируем определенные истины исходя из характера самого взаимодействия и условий, в которых оно происходит.

Представление (или образ) формируется в дискурсе, но каждый дискурс специфичен и нагружен определенными значениями, которые создают, по Э. Лакло и Ш. Муффа, «собственные социальные миры» [1, с. 26]. Значения меняются не только вследствие подвижности и изменчивости языка, но под влиянием условий, в которых протекает дискурс,

его участников и процессов, косвенно или напрямую влияющих на дискурс. Поэтому в реальности не один дискурс не может быть понят как завершенный, целостный, он постоянно находится в контакте с другими дискурсами, а значит, и представления, которые рождаются в нем, не фиксируют преобладание одной точки зрения. Скорее можно вести речь о том, что дискурсы постоянно борются за способы понимания социальной среды.

В теории критического дискурс-анализа дискурс представлен как социальная практика, которая и сама конституирует мир, и конституируется в других социальных практиках. Иначе говоря, дискурс может участвовать в формировании новых форм политики так же, как и дискурсивные практики способны изменяться и формироваться под давлением внешней среды не дискурсивного характера – структурных особенностей политической системы, ее институций и т.д.

В критическом дискурс-анализе дискурс понимается как форма действия, с помощью которой люди меняют мир, но она зависит и от исторических и социальных контекстов, и от других форм социального. Дискурс не есть только практика по созданию ментальных образов и представлений, скорее даже наоборот, он направлен на мир социальных фактов, а последние мы строго можем уподобить «вещам», вокруг которых он строится, и они приобретают для нас определенные значения, проходя через дискурс.

С другой стороны, следующее поколение теорий дискурса, носящих постструктуралистский характер с его социальной реконструкцией реальности, расширило понимание дискурса до представления о нем как о феномене социального конструирования реальности, где содержимое дискурса и условия его применения становятся вполне институционализированными формами, приобретая нормативный характер понимания действительности.

Все же стоит признать, что мы субъективно конструируем образы политики, власти, демократии, государства и других объектов мира политического, иными словами, наши представления о мире остаются только представлениями, ассоциированными с внешней реальностью, но не более. Поэтому всякий конструкт того или иного создаваемого образа не может быть ни подлинным, ни истинным, ни ложным.

Любой образ отражает лишь только то, что в данный момент понято и принято с определенной оценкой. В этом смысле можно полагать, что правда есть свойство не внешнего мира, но свойство языка, а значит, любые экстрадискурсивные гарантии того, что в мире есть точные критерии истинности или научности, отсутствуют. Скорее можно говорить о том, что любой объект, его последующий артикулируемый образ и оценка последнего в дихотомии «истинность / ложность» задаются дискурсивными практиками. Поэтому в различных дискурсах возникает конкуренция восприятий одного объекта и формирование разных его образов, в зависимости от дискурсивной практики, заранее предписывающей критерии истины и ложности. Данное положение позже перерастает в постулат постструктурализма, в котором даже исторические факты есть не больше, чем дискурсивные конструкции.

В этом можно убедиться, взяв учебники по истории разных стран и народов, написанные в разные исторические эпохи, но посвященные одним и тем же событиям. Исторические факты окажутся обусловленными контекстуальными рамками дискурса, где на событиях расставляют акценты исходя из условностей самого дискурса. Однако это вовсе не означает, что объективность не существует, она существует, но она ровно такая, какова ее репрезентация в сознании.

Р. Рорти отмечал, что фактически познание возможно лишь с позиции ангажированного субъекта, вовлеченного в определенный социокультурный контекст; оно всегда ситуативно ограничено, конкретно-исторически обусловлено. Фактически утверждается, что «обоснование знания не есть вопрос об особом отношении между идеями и объектами, но исключительно дело разговора, социальной практики» [2]. Таким образом, конструируемая нами среда зависит от предустановленных дискурсом правил игры. Так, Р. Лангакер подчеркивает, что «мир не дан человеку непосредственно, а созидается им (is construed)» [15] и интерпретируется, а значит, мы закладываем в объекты реальности, которая существует вне нас, наши личные субъективные переживания по поводу объектов, а также наши субъективные оценки, которые сливаются с объектом, и впоследствии мы не всегда можем отделить их друг от друга.

Для политического дискурса, в котором оценочность и идеологичность являются чуть ли не главными свойствами, любой конструируемый образ будет напрямую зависеть от повестки дня. «Образы, с помощью которых выстраивается политический дискурс, фиксируют и отражают те представления о политических институтах и участниках политического взаимодействия, которые формируются в пространстве публичной политики и признаются самими носителями образов как значимые для нее (повестки дня. — М. Б.)» [3]. Поэтому любой образ имеет ту основу, которую мы в него закладываем в зависимости от ситуации. Эта антиэссенциалистская установка, получившая развитие в парадигме постструктурализма и хорошо описанная Я. Торфингом [4], выводит нас к той проблеме, что ни один объект не содержит некоторой самождественной сущности, выстраивающей все отношения по поводу его идентичности. Идентичность есть не свойство объекта, а его отношение к чему-либо, но это отношение значимое и зависимое от контекстов соотнесенности. Если идентичность уподобить образу, т.е. формируемому представлению о «нас самих» или о том, как «нас» представляют другие, то каждый раз идентичность будет отражать то, что предполагают ее контексты. Образы, как и идентичность, в дискурсе часто формируются через аксиоматизацию, т.е. «формирование образа или выведение идентичности исходит из изначальных дискурсивных или авторских предпосылок» [5, с. 34] и приписывания объекту таких идентификаций, которые отражают психологию акторов дискурса. Нужно также понимать, что образ — это презентация фрагмента реальности, причем, по утверждению Г. Люббе, «образ есть авторский взгляд на мир (a word picture), где подчеркивают одни черты реальности и скрывают другие» [6, с. 149].

Многие исследователи считают, что в этой связи мы должны устремить свой интерес к грамматике, локальной семантике, синтаксису, стилю, риторике, структуре аргументации и попытаться в самом общем плане ответить на вопросы, как «они» говорят о «нас», как складывается образ «нас» в тексте или речи [7]. Но даже если мы проведем полный анализ и выделим в дискурсе все фреймы как структурно оформленные единицы знаний, организованные вокруг некоторого понятия, далеко не факт, что лингвистическое поведение будет отражать политическое или социальное поведение или с ним совпадать. Возможно, мы даже столкнемся при анализе с определенными риторическими тропами — гиперболами, синекдохами и метонимиями, которые активно используются в политических текстах, но это будут не более чем приемы в тексте, а не законченное оформление некоего образа. К тому же образ формируется не всегда рационально, в большей степени при его конструировании закладывается целый комплекс постулируемых моментов, которые могут быть приняты на веру. Особенно такое положение вещей заметно в политических заявлениях, документах, стратегиях и программах. К примеру, в докладе консерваторов «Стратегия сдерживания России», чьим автором является премьер-министр Литвы, председатель партии «Союз отечества», Россия представлена как «неудобный сосед, чья государственность зиждется на субстрате оккупации — либо территорий, либо умов, в зависимости от периодов ее развития» [8]. Образ России изначально постулируется как «образ внешнего врага», затем в тексте начинают работать культурные мифы, стереотипы и условности. Система координат, в которых складывается образ российского государства в данном конкретном тексте, изначально задана, поэтому сам образ стал лишь только ментальной конструкцией, не репрезентирующей ничего, кроме идеологии и исторических условностей. Образ и реальный объект могут вообще не совпадать. В официальном правительственном докладе Финляндии по вопросам безопасности [9] образ России реконструирован как образ агрессора на основе того факта, что «Россия напала на Грузию», причем данный тезис и определяет последующий дискурс. Подобное становится возможным и вследствие отсутствия бренда «Россия», который фокусировал бы в себе положительный потенциал и вызывал в международном сообществе устойчивые позитивные ассоциации, связанные с Россией.

Любой образ в той или иной степени будет складываться в зависимости не только от формы общения, избранной в дискурсе, но и от факта, что мы создаем те ли иные образы мира лишь для удобства собственного (нам просто удобно понимать и презентовать мир определенным способом) для удобства социальной и политической практики, а иногда даже для конъюнктуры в политике. Таким образом, происходит не только порождение образов, но и корректировка реальности, возникает ее ментальный прототип в сознании, приобретающий социальное значение. Создание подобных ментальных образов в политике, оценочно и идеологически нагруженных, в силу специфики политиче-

ского дискурса делает их реальностями, вступающими в борьбу, поскольку образы принимают институционализированные смыслы в речах, документах, заявлениях и даже деятельности политических сил.

Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен, анализируя социально-конструктивистские теории дискурс-анализа, установили, что «способы понимания и представления мира обусловлены историческим и культурным контекстом. <...> Дискурс — это форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира» [1, с. 15]. Поэтому любое наше представление, взятое как образ чего-либо, тем более если это образ страны или государства, будет соотноситься с нашими историческими или ментальными предубеждениями или с теми знаниями, которые о данном объекте были получены ранее. Таким образом, количество субъективных факторов, определяющих наше отношение к той или иной стране, ее политической системе, экономике и другим «составляющим» будет только возрастать. Любой формируемый образ — это не чистая репрезентация реальности, а сконструированный ментальный объект, который многомерен и предполагает множество интерпретаций. Основой политического образа, формируемого во всех политических дискурсах, является оценочность. Любой образ страны или политики (государства) есть всего лишь некоторая версия событий, представленная в определенных оценках и контекстах. Значит, ни один образ не дает некоторого монополюльно легитимного взгляда и каждый зависит от системы координат дискурса, в которых он формируется, с изначальным аппаратом принятых рамок.

«Различное социальное понимание мира ведет к различному социальному поведению, и поэтому социальная структура знаний и истины имеет социальные последствия» [1, с. 19]. Дискурс в любом случае обусловлен социальными контекстами, но мы должны дополнить нашу исследовательскую схему когнитивным измерением, уровнем ментальных репрезентаций. Анализируя тот или иной текст или группу текстов, мы не абстрагируемся от времени их создания, исторического, идеологического, культурного и иных контекстов. Иногда даже возникает ощущение, что мы анализируем не сам текст, а то, что стоит за текстом — контексты его создания, условия, которые играют в нашем восприятии написанного или сказанного роль большую, нежели то, что выступает его лингвистическим содержанием.

Дискурс не только содержит «контексты», т. е. социокультурные, исторические и идеологические условности, через которые, согласно Т. Ван Дейку, устанавливается связь между структурами дискурса и социальным действием [10], но и «интенции» — направленности нашего сознания на какой-либо предмет через замыслы и стратегии, что заставляет нас формировать свое социальное отношение к объектам дискурса. Кроме того, в дискурсе неизбежны эмоциональные акты, с помощью которых он приобретает черты психологичности.

К примеру, мы можем по-разному понимать демократию и устанавливать различные режимы дискурса демократии, задавая критерии ее функционирования и варьируя ее элементы. Другими словами, мы

можем структурировать наши представления о демократии таким образом, что они вовсе не будут репрезентировать ее, а значит, подобное знание получит социальные последствия.

Конструктивистская основа постструктурализма подвела дискурс к черте, когда он становится практикой формирования множественных образов реальности, в том числе и политической, с той оговоркой, что эти образы не являются точными копиями объективности и носят экстрадискурсивный характер. «Реальность социально конструируется» [11], и, проходя через дискурс, субъективные значения становятся объективной фактичностью.

98

Образы политики и институциональные практики ее формирования носят в дискурсе скорее психологический характер – мы сами задаем множество критериев правдивости, ложности, научности, подлинности, нормальности, которые, быть может, и не отражают сущности происходящих процессов. Это схоже с религиозной картиной мира, в которой мы можем установить некоторые единые трансцендентные критерии, с чьей помощью возможно описать мир. Но описать мир не значит понять, как он устроен, и определить его структуры. Содержание дискурса не автоматическая копия событий, а, скорее, некоторые варианты интерпретации событий.

Между тем теории дискурса имеют явную схожесть, которая хоть и в разных интерпретациях, но все же принимается. «В основе всех подходов – общее представление о том, что наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения, но, напротив, играет активную роль в его создании и изменении» [1, с. 15]. Фактически, будущее дискурса заключается в формах общения и в понимании друг друга благодаря этим формам, в устанавливаемых между акторами коммуникации своеобразных конвенциях – зонах понимания, схожих с теми, которые формируются сейчас в интернет-дискурсе, со своей языковой спецификой.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что любые образы, создаваемые в политическом дискурсе, по своему смыслу – только ментальные объекты, соотносимость которых с реальностью соответствует доле используемых в них контекстов. Образ есть интерпретация события и зависит от условий дискурса, от повестки дня, которая определяет интенциональность по отношению к объекту дискурса. Образы антиэссенциальны, а их эпистемологическое свойство – антифундаменталистское, поскольку не существует никакого единого порядка их формирования, а внутри образа нет никакой единой смыслообразующей субстанции, из которой выстраивается его самоидентичность. Образы зависят от формы общения, избираемой в дискурсе, а также от дискурсивных рамок, устанавливаемых в процессе их формирования; образ есть только фрагмент реальности, а значит, он представляет не полный объект, а лишь какую-то его часть. Образ не копирует, а реконструирует реальность в зависимости от дискурсивных смыслов.

В любом случае, эпистемологическая составляющая категории образа в политической науке еще требует своего разбора, прежде чем сможет стать инструментом политического познания реальности.

Список литературы

1. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2004.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/RORTI_Richard/_Rorti_R.html (дата обращения: 08.02.2011).
3. Семененко И. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политические исследования. 2008. № 5. URL: <http://www.lawinrussia.ru/stati-i-publikatsii/2009-07-06/obrazi-i-imidzhi-v-diskurse-natsionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 09.02.2011).
4. *New theories of discourse*: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford; Blackwell, 2005. URL: <http://docjax.net/g/search?q=New%20theories%20of%20discourse%20Laclau> (дата обращения: 24.02.2011).
5. Берендеев М. В. Постсоветская региональная идентичность социума Калининградской области: проблема формирования и измерения // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 3.
6. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4.
7. Хмельцов А. И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/h/hmeltsov.shtml (дата обращения: 08.02.2011).
8. *Rusijos sulaikymo strategija*. Проект: стратегия сдерживания России. План снижения влияния России на Литву. 05.09.2007 г. URL: <http://politika.kubilius.lt/2007/05/rusijos-sulaikymo-strategija.htm> (дата обращения: 27.01.2011).
9. *Suomen turvallisius ja puolustopolitikka* — 2009. URL: <http://www.valtioneuvosto.fi/tiedostot/julkinen/pdf/2009/turvallisuus-ja-puolustuspoliittinen-selonteko/selonteko.pdf> (дата обращения: 28.02.2011).
10. *Van Dijk Teun A. Discourse as Intraction in Society* // *Discourse as Social Interaction*. URL: <http://www.discourses.org/justpublished/> (дата обращения: 09.02.2011).
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/8.aspx (дата обращения: 24.02.2011).
12. *Old articles* Teun A. van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/download/articles/> (дата обращения: 09.02.2011).
13. Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003. №1.
14. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003.
15. Михалёва О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки. URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state15/> (дата обращения: 27.01.2011).

Об авторе

Михаил Владимирович Берендеев — канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: Mberendeev@kantiana.ru

About author

Dr. Mikhail Berendeyev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: MBERendeev@kantiana.ru